

С Василием Ивановичем Беловым я познакомился в 1987 году, в период его творческого расцвета и общественной активности. Именно в то время, когда в журнале «Наш современник» и в «Роман-газете» был опубликован его мировоззренческий роман «Все впереди», вокруг которого разгорелась не дискуссия и не полемика, а обструкция либеральной критики. Сводилась она единственно к тому, что не пристало-де писателю-«деревенщику» браться за городские дела и проблемы, которых он якобы не знает. А потому его роман «Все впереди» не получился. И писатель потерпел поражение. Из деревенской избы, мол, не все видно. Этого оказалось достаточно для того, чтобы напрочь отвергнуть роман, не обсуждая и не оценивая его по существу. Для того, чтобы обойтись лишь однообразной, как под копирку, идеологической догматикой, что писатель якобы в городе видит исчадие ада, тлетворный дух, не в пример деревне — как якобы средоточию непорочной жизни и высокой нравственности.

Хотя совершенно очевидно: ну какой из Василия Белова сельский житель? И по образу жизни, и по творчеству. Еще в юности покинул деревню, поступив в профессиональное училище. Потом — служба в армии, учеба в Литературном институте... Ну а то, что он постоянно возвращался в родную Тимонику, говорит лишь о том, что он, как и должно человеку, не забыл свою первую любовь, свою малую родину.

Уже мама Василия Ивановича, Анфиса Ивановна, не была в полном смысле сельской жительницей. С 1963 года, около тридцати лет, она жила у сына в Вологде и только летом выезжала в Тимонику. Об этом мне рассказывала супруга Василия Ивановича Ольга Сергеевна. Он любил сюда приезжать, работать здесь. Но характер у него был непоседливый, его постоянно куда-то тянуло. Москву хотя и ругал, но ездить туда любил. Последние девять лет из-за болезни он в деревню уже почти не приезжал. Да, он иначе смотрел на нашу жизнь советского периода, чем многие ее скорые переустроители и дежурные певцы. Но как раз этого ему и не прощали. За это и наградили ярлыком «деревенщика». Это была давняя неофициальная идеологическая установка, формируемая в общественном мнении. Когда стало ясно, что после революционного погрома русской литературы в начале минувшего века, после ее травли русская литературная традиция, несмотря ни на что, с потерями, но продолжилась, тогда и была сконструирована «матрица» для удобства обуздания писателей и управления литературой. Писатели были разделены на «деревенщиков» и сторонников городской, интеллектуальной прозы. То есть лучшая проза была обозвана «деревенской», как бы рангом ниже всякой иной. Декларации и речитативы под гитару «эстрадной» поэзии шестидесятников выставлялись передовыми и прогрессивными не в пример «тихой лирике».

Но прошло не столь уж много времени, как «гуманистический туман» рассеялся, стало ясно, что «эстрадная» поэзия почти не удержалась ни на эстраде, ни на площадях, ни в душах. А «деревенская» проза и «тихая» лирика — это и есть основная русская литература второй половины XX века. Разумеется, такое упрощенное представление не объясняло литературу этого периода. Там было много писателей хороших и разных. Но идеология, построенная на этой основе, работала исправно и беспощадно. Причем выразителем и проводником ее была в основном не власть, а «общественность». Она-то и решала, «кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мертв и хулим» (Б. Пастернак). Она-то, эта «передовая общественность», разумеется либеральная, и устроила обструкцию роману «Все впереди». Идеологическая акция была столь мощной, что и годы спустя, почти двадцать лет все еще раздавались ее отголоски, оправдывающие ее: «Иногда прозаик обращается к городским проблемам (здесь можно вспомнить цикл «Воспитание по доктору Споку»). Однако «городской» роман «Все впереди» (1985 г.) потерпел неудачу. Писатель показал, что он не только не знает города, но и не хочет понять особенности городского уклада. Впрочем, творческая неудача Белова не давала никакого права Татьяне Толстой объявлять писателя в интервью «Московским новостям» человеконенавистником лишь за то, что он не так в романе «Все впереди» изобразил женщин, как хотела Толстая» («С надломом в политику соваться нечего». В. Огрызко, «Литературная Россия», № 10, 2005).

Вот так, «сунулся» писатель туда, куда ему «соваться» не следовало. Вздумал «из деревенской избы» поразмышлять о нашем житии-бытии. Но прошли буквально считанные годы, и в России произошло то, о чем предупреждал Василий Белов, обнажая причины новой революционной катастрофы, свершенной, конечно же, в иной, чем ранее, форме. Так что роман оказался поистине пророческим, вопреки мнениям скорых на суд и расправу его ниспровергателей, «передовых» и «прогрессивных». Перечитывать теперь эту «критику» стыдно. Стыдно за авторов. Да и где они теперь, эти авторы... Такая обструкция доставляла писателю немало переживаний. В этом я убедился, встретившись с ним. Причем возмущала его не критика сама по себе, а ее бесцеремонность, самонадеянность, нахрапистость и нелитературность. И — явная несправедливость.

Для встречи с писателем у меня была, можно сказать, практическая причина. Дело в том, что мы в отделе литературы и искусств газеты «Красная звезда», где я тогда работал, возглавляемом замечательным поэтом и литератором Юрием Николаевичем Беличенко, стремились к тому, чтобы на страницах центральной военной газеты выступали писатели первой величины. Наиболее приемлемой формой представлялась беседа, диалог. Я позвонил Василию Ивановичу и изложил ему суть нашего предложения. В то время он часто бывал в Москве. И мы встретились в гостинице «Москва». В результате нашей довольно долгой беседы вышел диалог: «Человек счастлив, пока у него есть Родина», который я опубликовал в своей «Красной звезде» и в журнале «Дон».

Мы говорили с ним на разные темы. В то время я занимался уникальным явлением — песнями афганской войны, собирал их, болел ими. Через эти песни мне открывалось нечто очень важное, что позволяло хоть как-то постичь и состояние нашего общества, и значение необъявленной войны. Василий Иванович заинтересовался этими воинскими песнями и просил ознакомить его с ними, послушать. А потому и дописал в письме: «18-го лечу в ФРГ (март 1986). Не забывайте меня, так как в следующую встречу мне хочется послушать записи».

Потом, когда в 1987 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла составленная мной книжка песен афганской войны «Когда поют солдаты», я послал один экземпляр ее Василию Ивановичу. И тут же получил от него трогательное письмо: «Дорогой Петр. Спасибо за книгу. Но я не могу ее читать... Мешают слезы, горло

сдавливает. Или и впрямь Кучкина права, и я стал стареть? (Кучкина — одна из бесцеремонных ниспровергателей его романа «Все впереди», да и самого писателя. — П. Т.). Нет, я плачу потому, что жаль ребят, погибших. — За что? Мне это до сих пор непонятно. И сколько их погибло, искалечено — не знаем. А если не знаем, то как сохранить память о них? В. Белов. 20.XI.87».

Эти песни стали действительным явлением уникальным и захватывающим. Они были как бы реакцией здорового общества, неожиданно столкнувшегося со смертями. И поскольку литература оказалась не в состоянии постичь эту войну, песни и стали ее переживанием и осмыслением: «Пронесется пыль в Афганистане, вихрем чьи-то жизни прихватив. Пусть им вечным памятником станет этой песни простенький мотив...».

Мне присылали эти песни, записанные на кассеты, как из Афганистана, так и из всего Советского Союза, со всей России. Я печалился над ними, но в то же время чувствовал, что в них вдруг оживали уже, казалось, совсем обветшавшие слова.

*Над горами, цепляя вершины,
кружат вертолеты.*

*Где-то эхом вдали прогремели
последние взрывы.*

*Только изредка ночью взорвут
тишину пулеметы,*

*проверяя: а все ли мы живы?
Афганистан. Афганистан.
Афганистан. Афганистан.*

Как-то меня разыскал майор американских ВВС, филолог Питер Шварц с просьбой проконсультировать его в вопросах нашей военной литературы и в частности литературы об афганской войне. Я же допытывался у него, было ли нечто подобное нашему воинскому песенному творчеству у них во время их долгой войны во Вьетнаме? И он заверил меня, что ничего подобного у них не было...

И что удивительно, среди этих песен было много переделок песен известных. Тут действительно все оживало, приобретая новые смыслы и значения. Так, одной из самых популярных песен стала «Кукушка», на стихи замечательного поэта фронтового поколения Виктора Ивановича Кочеткова, с которым мы дружили и который давал мне рекомендацию в Союз писателей:

*Снится часто мне мой дом родной.
Лес о чем-то о своем мечтает.
Серая кукушка за рекой,
Сколько жить осталось мне, считает.*

*...Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам.
На афганской выжженной земле
Спят тревожно русские солдаты.*

*...Так что ты, кукушка, погоди
Мне дарить чужую долю чью-то.
У солдата вечность впереди,
Ты ее со старостью не путай.*

Этой войне с трагическими судьбами ее участников поспешили дать «политическую оценку», довольно упрощенную, да и лукавую, — «ошибка»... И только потом открылось ее истинное значение в истории России. Ведь как после японской войны начала минувшего века, как после Первой мировой, так и после афганской, у нас в стране происходили революционные катастрофы... А потому находилось немало недоброжелателей вовне и внутри страны, чтобы втянуть нас в эту войну.

Может быть, именно эта песня о кукушке так взволновала Василия Ивановича Белова. Мне же было ценно и дорого то, что он отнесся к этим песням, точнее, к судьбам своих соотечественников, с таким глубоким состраданием...

Потом наступили времена «демократического» революционного анархизма и беззакония, и мы с Василием Ивановичем долго не общались. Но когда я окончательно убедился в том, что русская литература, как и во всякую революцию, сбрасывается «с корабля современности», вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования, я предпринял издание своего авторского литературно-публицистического альманаха «Соленая Подкова». И когда вышел его первый выпуск (М., «ЭСЛАН», 2006), послал экземпляр Василию Ивановичу. Ответа, честно говоря, не ожидал, так как знал уже, что он болен. Послал потому, что все эти годы, с тех пор как познакомился с ним, всегда жил с каким-то стойким ощущением, что где-то в Вологде есть Василий Иванович Белов. И пока он с нами, не все так страшно в этой вдруг расстроившейся жизни, в этом прекрасном, но вместе с тем и ужасном, уже, кажется, зияющем бездной мире...

Но ответ от Василия Ивановича пришел на удивление быстро. Причем это было письмо необычное, исповедальное. Он вдруг начал вспоминать о своей судьбе. Видимо, он начал читать альманах, где были рассказы о женских судьбах. Это по всей вероятности и вызвало в его памяти аналогии из собственной жизни: «Дорогой Петр. Я был весьма рад получить от Вас альманах «Соленая Подкова». Тем более что моя личная судьба связана с песней Свиридова на слова Исаковского «Услышь меня». Расскажу при встрече подробно. Девушку, которую я любил и с которой я пел эту песню под мою гармонию, убили в Таджикистане. Увы! Я служил тогда в армии и приезжал в десятидневный отпуск. Но жениться не сумел, не успел по причине краткости отпуска. Ох, дурак, дурак, надо было успевать. Теперь вот локти грызу. Причину гибели ее до сих пор не знаю. При Ельцине меня едва не пристрелили, когда палили по Белому дому из танков. Вот такие дела. Что натворили предатели Сталина. До свидания, писать кончил. Извини за плохой почерк. В. Белов. День Св. Николая. Середина зимы. С Г. Свиридовым я тоже был знаком... а «Соленая Подкова» очень удачна и поэтично звучит».

Похоронили Василия Ивановича Белова на малой родине, в деревне уже совсем обезлюдившей и опустевшей, рядом с могилой его матери Анфисы Ивановны.

Тимониха зимой одна под холодным северным ветром, под темным бескрайним небом, вдали от Вологды. Теперь в ней нет ни одного жителя. Там стоят всего шесть домов. Завещания похоронить его в деревне не было. Было только пожелание, которое он высказал своей жене Ольге Сергеевне после похорон матери в 1992 году, когда деревня еще все-таки жила и туда постоянно приезжали «дачники». Говорил он об этом и В. Кожинуву, навещавшему его. Но это была совсем иная эпоха, другая жизнь...

Областная власть настаивала на том, чтобы похоронить В. И. Белова в Вологде, где он жил, в Спасо-Прилуцком монастыре, рядом с могилой Константина Батюшкова. Примечательно, что чиновники в данном случае проявили большую чуткость и дальновидность, чем писатели, перед которыми вопрос о месте захоронения Василия Ивановича Белова и вовсе не стоял. Видимо, писательские творческие Союзы, разрушенные после «демократической» революции и превратившиеся по

своему статусу в литобъединения, пригодные разве что для досужих посиделок, к этому времени уже безвозвратно растеряли свое бывшее общественное значение и влияние...

Деятели культуры поставили вопрос о создании в этих местах историко-литературного и природного заповедника («В Вологду к Белову», «Литературная газета», № 5, 2013). В Тимонихе ежегодно проводятся праздники. К примеру, праздник сенокоса. В районе разработали туристический маршрут «Дорога к дому». Все вроде бы верно, ладно. И все-таки не покидает ощущение, что могила писателя должна быть не здесь, среди безлюдных лесов, а в Вологде. Не покидает чувство, что Василия Белова как бы преднамеренно удалили от его нынешних и будущих читателей и почитателей.

Ольга Сергеевна, разумеется, была права, исполняя последнюю волю Василия Ивановича. Но, глядя за грань наших лет, нельзя ведь не думать о том, что со временем все может предстать в ином свете. Справедливо писал Анатолий Заболоцкий в связи с изданием семитомного собрания сочинений: «Семитомник — вечный, настоящий памятник умершему в декабре 2012 года Василию Ивановичу Белову, похороненному на обезлюдевшей Родине, в Сохте, укрытой непроходимым снегом с волчьими следами по февральскому насту зимой и ноющим звуком мошки, комарья и оводов летом. Василий Белов и его мать Анфиса Ивановна достойны быть похоронены в Вологде, рядом с поэтом Батюшковым» («Русский вестник», № 6, 2013).

Может быть, со временем все так и устроится. Никто ведь не знает, что и как будет дальше. Ясно только одно — северная деревня в ее прежнем виде уже никогда не восстановится. Да и судя по нынешнему положению в обществе и состоянию литературы, далеко ведь не очевидно ее некое «возрождение», а значит и отношение к ней, и проводимая культурная политика на местах...

Как известно, Николай Рубцов завещал похоронить его в Спасо-Прилуцком монастыре рядом с могилой К. Батюшкова. Я видел его завещание, этот листок с размашистой фразой об этом, в музее Н. М. Рубцова в Москве. Вполне возможно, что со временем в Вологде, в Спасо-Прилуцком монастыре, образуется, сложится уникальный пантеон писателей: Константин Батюшков, Николай Рубцов, Василий Белов...

